

О книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»¹

«Память Н. Я. Данилевского драгоценна для Славянского Общества не только как память полезного деятеля по государственному хозяйству, отличного русского натуралиста, пламенного патриота, человека явно и тайно делавшего приношения на славянское дело из своего трудового имущества, но главное, и больше всего, как *учителя* тех идей, которые лежат в самой основе Общества, составляют его душу. В этом отношении заслуга Н. Я. Данилевского так велика, что размеров ее мы теперь еще и определить не можем. Он написал книгу *Россия и Европа*, которую можно назвать катехизисом или кодексом славянофильства; так полно, точно и ясно в ней изложено учение о славянском мире и его отношении к остальному человечеству». Скажем здесь несколько слов об этой книге; постараемся указать ее особенности и высокие достоинства.

Есть явления в умственном мире, которые совмещают в себе и завершают собою целые периоды в развитии науки, литературы, изображают собою смысл целого направления духовной деятельности. Так, положим, стихи Пушкина представляют нам всю ту поэзию, которая развилась у нас после Карамзинского переворота; множество поэтов, существовавших перед Пушкиным и в одно время с ним, так сказать, поглощены и сосредоточены в произведениях нашего величайшего поэта. Точно так же, например, Гегель совмещает в себе всю немецкую философию после Канта; он есть настоящий представитель всего этого периода, мыслитель, в котором с наибольшею силою и ясностью выразилось все тогдашнее направление философии.

В других, меньших размерах, но подобное отношение существует, очевидно, между книгою Н. Я. Данилевского и тем направлением нашей литературы, которое известно под именем славянофильства. В какой мере эта книга завершает и совмещает в себе славянофильские учения, это другой вопрос; но что она имеет такое завершающее и представительное значение — в том невозможно сомневаться. Быть может, со временем Н. Я. Данилевский будет считаться славянофилом *по преимуществу*, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи. Если имя Хомякова никогда не забудется в истории русской мысли, то может быть *то, что сказал Данилевский*, будет более памятно, сильнее и яснее отразится в умах.

Но, положим, даже не так; положим, Данилевскому не суждено стоять, не то что выше, а лишь впереди предшествовавших славянофилов; во всяком случае «Россия и Европа» есть книга, по которой можно изучать славянофильство всякому, кто его желает изучать. С появлением этой книги уже нельзя говорить, что мысли о своеобразии славянского племени, о Европе, как о мире нам чуждом, о задачах и будущем России, и т. д. что эти мысли существуют в виде журнальных толков, намеков, мечтаний, фраз, аллегорий; нет, славянофильство теперь существует в форме строгой, ясной, определенной, в такой точной и связной форме, в какой едва ли существует у нас какое-нибудь другое учение.

Тут нам следует рассмотреть возражение, обыкновенно делаемое против книг такого рода, как «Россия и Европа».

Говорят, и уже успели сказать несколько раз, что в этой книге нет *ничего нового*. Этот вопрос *о новостях* чрезвычайно труден, и эту трудностью всегда

¹ Отд. отт. из «Известий С.-Петербург. славянского благотворительного о-ва», № 12, дек. 1886г.

пользовались люди, недоброжелательствующие самому делу. Что нового в Пушкине? По-видимому у него все то же, что у Жуковского, Батюшкова, Козлова и пр. Тот же язык, те же формы произведений, одинаковые литературные привычки и приемы. Между тем, в сущности, новость огромная: создание русской поэзии, основание русской литературы. Итак, уловить новое вовсе не легко. Иной скептик готов будет, пожалуй, сказать, что и великолепный дом, который он видит в первый раз, не представляет ему ничего нового, так как он уже давно видел кучи кирпичей, из которых этот дом построен.

Но в настоящем случае для читателя сколько-нибудь внимательного и серьезного не может быть, нам кажется, никакого вопроса и сомнения. В книге Данилевского все новое, от начала до конца; она не есть свод и повторение чужих мнений, она содержит только одни собственные мнения автора, мысли, никем и никогда еще не сказанные, почему он и почел за нужное их высказать. «*Россия и Европа*» есть книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная славянофильством в тесном, литературно-историческом смысле этого слова, не составляющая дальнейшего развития уже высказанных начал, а напротив полагающая новые начала, употребляющая новые приемы, и достигающая новых, *более общих* результатов, в которых славянофильские положения содержатся как *частный случай*. Когда мы, не смотря на то, называем учение «*России и Европы*» славянофильством, то мы разумеем здесь славянство в отвлеченном, общем, идеальном смысле; собственно говоря, это вовсе не славянофильство, а особое учение Данилевского, так сказать «*данилевщина*». Данилевщина включает в себя славянофильство, но не на оборот.

Новые явления часто заставляют нас расширять и обобщать смысл прежних понятий: так, с появлением «*России и Европы*» мы должны расширить и обобщить смысл давно употребляемого термина *славянофильство*. Оказалось, что есть славянофильское учение, вовсе не похожее на то, что мы привыкли называть этим именем.

В чем же сходство и в чем различие? Сходство, очевидно заключается в *практических выводах*. Понятно, что Н. Я. Данилевский, говоря о потребностях России, о тех стремлениях, которых ей следует держаться, в значительной мере должен был совпадать с прежними славянофилами. Люди, живо и глубоко чувствующие интересы свое родины, любовно вникающие в ее историческую судьбу, конечно никогда не разойдутся далеко по вопросам, что следует любить, чего следует желать. В этом отношении, как мы видели на множестве примеров, сердечная проницательность заставляет многих говорить и действовать даже вопреки своему образу мыслей, вопреки самым ясным началам, ими исповедуемым. Есть случаи, когда вся Россия, можно сказать, обращается в славянофилов.

Но иное дело — стремиться, повинувшись какому-то инстинкту, и иное дело — возвести эти стремления в сознательные взгляды, и согласовать их с нашими общими и высшими началами. И вот где существенное отличие Н. Я. Данилевского. Если всякий мужик есть в сущности славянофил, если самые ярые западники иногда говорят за одно с мужиками, если, наконец, прежние славянофилы верно поняли не только интересы, но и самый дух своего народа, то Данилевский есть именно тот писатель, который представил наиболее строгую теорию для этих стремлений, который нашел для них общие и высшие начала, начала новые, до него никем не указанные. Вот где главная оригинальность «*России и Европы*».

Эта книга названа слишком скромно. Она вовсе не ограничивается Россией и Европою, или даже более широкими предметами, миром славянским и миром германо-романским. Она содержит в себе новый взгляд на всю историю человечества, новую теорию *Всеобщей Истории*. Это не публицистическое сочинение, которого вся занимательность заимствуется из известных практических

интересов; это сочинение строго-научное, имеющее целью добыть истину относительно новых начал, на которых должна строиться наука *истории*. Славянство и отношения между Россией и Европою суть не более, как частный случай, — пример, поясняющий общую теорию.

Главная мысль Данилевского чрезвычайно оригинальна, чрезвычайно интересна. Он дал новую форму для построения истории, формулу *гораздо более широкую*, чем прежние, и потому, без всякого сомнения, более справедливую, более научную, более способную уловить действительность предмета, чем прежние формулы. Именно он отверг *единую нить* в развитии человечества, ту мысль, что история есть прогресс некоторого общего разума, некоторой общей цивилизации. Такой цивилизации нет, говорит Данилевский, а существуют только частные цивилизации, существует развитие отдельных *культурно-исторических типов*.

Очевидно, прежний взгляд на историю был *искусственный*, насильственно подгоняющий явления под формулу, взятую извне, подчиняющий их произвольно придуманному порядку. Новый взгляд Данилевского есть взгляд *естественный*, не задающийся заранее принятой мыслью, а определяющий формы и отношения предметов на основании опыта, наблюдения, внимательного всматривания в их природу. Переворот, который «Россия и Европа» стремится внести в науку истории, подобен *внесению естественной системы* в науки, где господствовала система искусственная.

Исследователь тут руководится некоторым *смирением* перед предметами. Ученые теоретики, особенно немцы, часто ломают по своему природе, подгоняют ее под известные идеи, готовы видеть неправильность и уродство во всем, что несогласно с их разумом; но истинный натуралист отказывается от слепой веры в свой разум, ищет откровений и указаний не в собственных мыслях, а в предметах. Тут есть вера в то, что мир и его явления гораздо глубже, богаче содержанием, обильнее смыслом, чем бедные и сухие построения нашего ума.

Для обыкновенного историка такое явление, как, например, Китай, есть нечто неправильное и пустое, какая-то ненужная бессмыслица. Поэтому о Китае и не говорят, его выкидывают за пределы истории. По системе Данилевского, Китай есть столь же законное и поучительное явление, как греко-римский мир, или гордая Европа.

Итак, вот какую важность, какой высокий предмет и какую силу имеет та новая, собственно Данилевскому принадлежащая исходная точка зрения, которая развита в «России и Европе». Столь же оригинальна и мастерская разработка, которой подвергнута история с этой точки зрения. Если многие выводы получились славянофильские, то они таким образом приобрели совершенно новый вид, получили новую доказательность, которой очевидно не могли иметь, пока не существовали начала, в первый раз указанные в этой книге.

Автор «России и Европы» нигде не опирается на славянофильские учения, как на что-нибудь уже добытое и доказанное. Напротив, он исключительно развивает свои собственные мысли, и основывает их на своих собственных началах. Свое отношение к славянофильству он отчасти указывает в следующем месте:

«Учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманитарности, что впрочем иначе и не могло быть, потому что оно имело двоякий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и большею свободою, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни — в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость самобытного национального развития, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянских начал, а также видя успевшую уже выказаться, в течение долговременного развития, односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам

суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи, однакоже, вовсе не существует.» («Россия и Европа», стр. 120).

И так у Н. Я. Данилевского и источник другой, и главный вывод не похож на славянофильский. Н. Я. Данилевский не держится германской философии, не стоит к ней даже и в тех очень свободных отношениях, в которых стоят славянофилы. Следовательно, в известном смысле, он самостоятельнее. Его философию можно бы сблизить с духом естественных наук, например с взглядами Кювье; но этот общий научный дух не может быть считаем каким-то особым учением.

Главный вывод «России и Европы» столь же самостоятелен и столь же поразителен своею простотою и трезвостью, как и вся эта теория: славяне не предназначены обновить весь мир, найти для всего человечества решение исторической задачи; они суть только особый культурно-исторический тип, рядом с которым может иметь место существование и развитие других типов. Вот решение, разом устраняющее многие затруднения, полагающее предел иным несбыточным мечтаньям и сводящее нас на твердую почву действительности. Сверх того очевидно, что это решение чисто славянское, представляющее тот характер терпимости, которого вообще мы не находим во взглядах Европы, насильственной и властолюбивой не только на практике, но и в своих умственных построениях. Да и вся теория Н. Я. Данилевского может быть рассматриваема, как некоторая попытка объяснить *положение славянского мира в истории*, — эту загадку, аномалию, эпицикл для всякого европейского историка. В силу этого исключительного положения среди других народов, которому в истории нет вполне равного примера, славянам суждено изменить укоренившиеся в Европе взгляды на науку истории, взгляды, под которые никак не может подойти славянский мир.

Таковы главные черты книги Н. Я. Данилевского. Из них виден *многообразный* характер этой книги; но спешим прибавить, что понятие о ней будет еще далеко не полное. Богатство мыслей, обилие действительного содержания так велико, что новые стороны дела открываются на каждой странице. Это сочинение удивительным образом сочетало в себе жар глубокого чувства и холодную строгость науки; оно есть пламенное воззвание и вместе точная, глубокомысленно-соображенная теория.

Н. Страхов.

Отдельный оттиск из «Известий С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества»
(№ 12, Декабрь, 1886 г.).

Дозволено цензурою. С.-Петербург, 14 января 1887 года.
Типография Е. Евдокимова, Большая Итальянская, д. № 11.